

А. М. Борисов

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ТЕОРИИ СУБЪЕКТОВ ПРАВА**

5

Рассмотрены теоретические взгляды российских правоведов на публично-правовые образования, а также отдельные положения Конституции Российской Федерации и Устава Курской области, раскрывающие представительский характер участия публично-правовых образований в общественных отношениях. Целью работы определено изучение соответствующего терминологического аппарата и сущностных характеристик юридических лиц публичного права. Дискутируемая проблема юридического лица как юридической фикции связана с основным методологическим посылом, в соответствии с которым в законодательстве признается правосубъектность юридического лица (публично-правового образования). Сравнительно-семантический анализ тематической лексики и формально-юридический метод исследования норм права позволяют увидеть конституционные основы представительского характера правоотношений с участием субъектов публичного права, некорректность использования некоторых терминов, а также сделать вывод о нарастающем количестве условностей в законодательстве, увеличивающихся совокупностях фиктивных юридических конструкций и отношений, ограничивающих возможность оценки правомерности поведения действительного актора правоотношений – физического лица.

This article reviews theoretical works of Russian legal scholars on public law entities and analyses several provisions of the Constitution of the Russian Federation and the Charter of the Kursk region. The author reflects on the representational functions that public law entities perform in public relations. The article aims to study the terminology and essential characteristics of legal entities in public law. The author considers the widely discussed problem of the juridical person as a legal fiction and explores it proceeding from the methodological assumption that Russian legislation recognizes the legal standing of the juridical person (public law entity). The author performed a comparative semantic analysis of the terminology and used a formal method of legal research revealing the constitutional foundations of the representational functions of public law entities in public relations. Many legal scholars have demonstrated the fallacy of separate terms in public law and have drawn attention to the increasing number of arbitrary provisions in public legislation. In their works, they have noted a growing number of fictitious legal constructions and relations that complicate the assessment of the legitimacy of the individual's conduct.

Ключевые слова: абстракция, публично-правовое образование, субъект права, юридическое лицо, юридическая фикция.

Keywords: abstraction, public law entity, subject of law, legal entity, legal fiction.

Введение

Классическая модель структуры правоотношения включает три элемента — субъекты, объект и содержание, среди которых, применительно к проблемам теории субъектов права, особый интерес вызывают субъектоподобные лица или псевдоперсоны.

Взгляды на государственные и муниципальные образования соответствуют общей концепции субъекта публичного права, представляющей таковым, в частности, любое государственно- или административно-территориальное образование. Советское государство, национально-государственные образования и административно-территориальные единицы рассматривались в юриспруденции советского периода как субъекты конституционно-правовых отношений [8, с. 75–79].

Так же решена проблема правовой личности в ее применении к Российской Федерации, ее субъектам (85) и муниципальным образованиям (на 1 января 2015 г. – около 23 тысяч [2]), признаваемым субъектами конституционного права [8, с. 81–83].

Конституционное право относится к публичному праву (при всей условности деления права на частное и публичное), и вышеназванные союзные образования признаются субъектами публичного права.

С 1 января 1995 г. Российская Федерация, субъекты РФ, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования были признаны субъектами гражданско-правовых отношений (ст. 124 «Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования – субъекты гражданского права» Гражданского кодекса РФ [3]), и, следовательно, субъектами частного права.

Результаты и обсуждение

Публичное и частное право определенным образом структурированы, что позволяет говорить об участии государственных и муниципальных образований в различных отношениях публично-правового (конституционные, административные, финансовые и др.) и частного-правового (по поводу собственности, имущественных обязательств и т. д.) содержания (это юридические лица публичного права и одновременно юридические лица частного права).

Такие субъекты участвуют в частно- и публично-правовых отношениях особого рода и в ограниченном объеме [14, с. 42–43]. Особость этих отношений связана «с применением в том или ином виде и объеме публичной власти» [14, с. 43] и доминированием у любых юридических лиц публичного права публично-правовых элементов, выражающих определенный общественный интерес (например, фактическая реализация основ конституционного строя, связанных с социальной направленностью экономики и выраженных в ст. 7 и 9 Конституции Российской Федерации, определяется политическими подходами к созданию правового порядка, в частности использованием земли и природных ресурсов для обеспечения достойной жизни граждан), ориентирован-

ных на «общие дела» (оборона) и «общее благо» (достойный уровень жизни населения), характеризующих «общепользную деятельность» (например, связанную с налогообложением и направленную на формирование доходной части публичных бюджетов). Ограниченный объем участия так называемых юридических лиц публичного права в правоотношениях обусловлен волей законодателя, учитывающего их социальную природу и признающего известную условность правосубъектности подобных «правовых личностей» при нормативном определении пределов их участия в тех или иных правоотношениях.

Указанные союзные фигуры в философско-правовом аспекте рассматриваются как определенные юридические абстракции. Однако метод абстрагирования имеет свои пределы, определяемые элементами теоретического понятия и законодательной конструкции субъекта права. Перечисляя указанные элементы (правовая личность, правосубъектность, желание и воля приобретать права и нести обязанности, участие в правоотношениях [14, с. 28]), В.Е. Чиркин утверждает, что идентифицирующие признаки гражданина, юридических лиц и государства раскрывают понятие правовой личности субъекта права, что правовая личность есть «абстракция, но вовсе не фикция» [14, с. 28 – 29].

Возникают два соображения по поводу данного тезиса. Во-первых, понятия «субъект права» и «правовая личность» идентичны [11]. Логическая связанность используемых при их конструировании терминов «субъект» и «личность» семантически выражается в аналогичных обобщающих понятиях «персона» или «лицо». Абсурдно-смысловое звучание оборота «правовая персона персоны права» и иных подобных словесных конструкций очевидно, что, как мы полагаем, исключает использование агрегированного термина «правовая личность субъекта права» [14, с. 29]. Термин «правовая личность» также используется для обозначения нормативно закрепленных идентифицирующих признаков субъекта права, приобретающих при их закреплении в норме права юридическое значение и дающих комплексную юридическую характеристику субъекта права. Но тогда рассматриваемый термин есть аналог другого термина – «статус субъекта права», ибо совпадает с ним по своему содержанию. Разнообразие фразеологических оборотов, безусловно, украшает любой юридический текст, но их использование требует особого внимания правоведов к юридической семантике, к смыслам используемых лексических единиц.

Ретроспективный взгляд на развитие представлений о правовой личности обращает нас, например, к позиции В.Б. Ельяшевича [4], рассматривающего юридическое лицо как юридическую (правовую) личность без всяких оговорок, отождествляя эти понятия: «Уже чрезвычайное разнообразие явлений, подводимых под понятие юридического лица, должно было бы навести современную доктрину на мысль, что юридическая личность не обусловлена внутренней структурой скрывающегося за ней отношения» [4, с. 448].

Во-вторых, вполне объяснимо применение термина «правовая личность» к человеку, участвующему в каких бы то ни было правоотношениях, приобретающему какое-либо правовое положение, обладающему

каким-либо статусом или отказывающемуся от каких-либо статусов в силу своей правосубъектности. Вывод о том, что термин «правовая личность» представляет собой абстракцию, вполне логичен. Однако данная абстракция при ее применении к чему-либо (юридическое лицо или государство) или к кому-либо (животное), не обладающему сознательно-волевой способностью участвовать в правоотношениях, наполняется не присущим ей содержанием и становится фикцией (фикция – предположение, заведомо не соответствующее действительности) [9, с. 1874], или вымыслом (от лат. *fictio* – вымысел). Вместе с тем, если общее понятие «субъект права» – абстракция или фикция, то таковыми же являются понятия «правовая личность» и «юридическое лицо» применительно к реальному участнику правоотношения – человеку, обретающему в условиях действия законов характеристики юридической личности или правовой статус.

Например, И. А. Покровский также использовал термин «юридическая личность» применительно к человеку [10, с. 548].

Воспринятое всеми правовыми системами разделение субъектов права на физических и юридических лиц обусловило применение вышеназванной абстракции к разнообразным псевдоперсонам, являющимся фиктивными участниками правовых отношений, а также возникновение в праве новой юридической фикции, дискутируемой до настоящего времени. Подобные квазиличности – юридический вымысел, и фактическое признание в законодательстве указанных образований субъектами права – увеличение степени условности правовых явлений, так же, как и расширение их видового ряда.

Понятие «юридическое лицо», разработанное на основе дополнения совокупности сущностных признаков объекта юридизации не обнаруживаемыми в реальности признаками, есть абстрактная форма, наполняемая фиктивным содержанием. Данное понятие, безусловно, – результат абстрагирования, но персонализация в законодательстве – результат юридико-технического приема, содержанием которого является признание какой-либо социальной по своей природе сущности (либо иного существа) подобной носителю сознания и воли. Объяснение общеизвестно, но не отличается ясностью – «потребности гражданского оборота» [10, с. 548]. Фикции «служили для введения улучшений в действующее право согласно нарождающимся потребностям, не изменяя буквы закона» [10, с. 548], однако вариативную часть содержимого формы публичного объединения составляет, в том числе, вопрос об ответственности (моральной, юридической) собственника капитала, уход от которой – продукт теории фикции юридического лица, принятой буржуазной юриспруденцией, господствующей в мире и в современной России [1].

Решение вопросов персонализации в праве требует внимания к конкретным субъективным (индивидуализирующим) особенностям персоны, производно от основного методологического посыла – признавать или не признавать что-то (например, территориальная общность людей – это «что-то») субъектом права со всеми элементами статуса (правосубъектность, права и обязанности или полномочия, их га-

рантии, юридическая ответственность). Несмотря на отсутствие у так называемых псевдоперсон каких-либо желаний и воли, которые на самом деле выражает человек, они признаются правовыми личностями с имманентным им *представительским* характером участия в правоотношениях.

Правосубъектность публично-правового образования – категория мнимая, что отражено в законодательстве. Например, Российскую Федерацию представляет внутри страны и в международных отношениях Президент Российской Федерации (ч. 4 ст. 80 Конституции Российской Федерации [7]) – фигура реальная, обладающая правосубъектностью и своей деятельностью реализующая права и обязанности государства. Настолько же реальна фигура губернатора Курской области, который, в соответствии с Уставом Курской области, «обеспечивает реализацию прав области как субъекта Российской Федерации» (ч. 2 ст. 42) [5]. Частно-правовой интерес публичных образований реализуют определенные должностные лица, организующие деятельность соответствующих структур. Таким образом, общая схема проста – дееспособное лицо обеспечивает частные и публичные интересы правоспособного лица, являющегося публично-правовым образованием, юридическим лицом.

Такие элементы теоретического понятия и законодательной конструкции субъекта права, как правосубъектность, сознание, желание и воля приобретать права и нести обязанности, непосредственное участие в общественных отношениях не свойственны ни публично-правовым образованиям, ни каким бы то ни было юридическим лицам.

В современном законодательстве реализуется концепция публично-правового образования как юридической фикции. Тем не менее вряд ли можно полностью согласиться с утверждением представителей реалистических теорий юридического лица о том, что «юридическое лицо – реально существующее явление и, следовательно, понятие юридического лица – это не фикция, а абстракция» [14, с. 50].

Действительно, «понятие, если оно создано, не фикция, а правовая реальность» [13, с. 102]. Однако социально-правовая реальность – не есть социально-материальная реальность, поскольку право в самом общем виде – это условность, получившая внешнее выражение, а в данном случае условлено, что в правоотношениях участвуют юридические лица, хотя общеизвестен факт – реальными участниками этих отношений выступают люди, обладающие тем или иным правовым статусом. Абстракция («юридическое лицо»), которая выражается определенным понятием, не может быть признана «материальным» или «фактически существующим явлением», с чем, создается впечатление, соглашается В. Е. Чиркин [13, с. 102].

Можно согласиться с утверждением, что в правовом измерении реально существует *правовое* явление социальной жизни, которое выражается через специфическое понятие «юридическое лицо» как следствие юридизации общественных отношений с участием псевдоперсон и применения искусственно-правового способа упрощения юридических конструкций общественных отношений. Однако во всех отношениях с участием публично-правовых образований мы видим социальную ре-

альность в материальном смысле, состоящую в том, что действительными участниками этих отношений являются физические лица или их коллективы, обладающие соответствующими какому-либо виду правоотношений правами и обязанностями.

Точны в этом смысле формулировки ч. 5 ст. 4 «Органы местного самоуправления города Курска» Устава города Курска, в соответствии с которой «Курское городское Собрание, Администрация города Курска, Контрольно-счетная палата города Курска наделяются... правами юридического лица» [12]. Акцентируем внимание на словах «наделяются... правами», что подчеркивает факт применения на стадии правоотношения искусственно-правового приема юридической техники для обозначения вышеуказанных органов местного самоуправления как лиц, наделенных правосубъектностью. Указанные публично-правовые образования реальны в правовой действительности как муниципальные учреждения, организуют деятельность которых и представляют которые в публичных правоотношениях соответствующие руководители – реальные лица социальной действительности.

10

Выводы

Анализируя концепции юридического лица, В.Е. Чиркин подчеркивает многообразие его форм, дискуссионность проблемы, неоднородность подходов правоведов и законодателя, в том числе в зарубежных странах, отсутствие «разработанной концепции юридического лица публичного права» [13, с. 99–112], что проявляет одно: исходная концепция юридического лица в праве, основывающаяся на признании правосубъектности юридического лица, несовершенна с точки зрения обеспечения справедливого выражения публичного интереса в праве. Это несовершенство проявляется в декорировании содержания фактически складывающихся правоотношений и искусственно-правовом выведении за пределы поля юридической ответственности реальных участников правоотношений. Рациональное, в частности юридизация имущества, коллективов, труда и его результатов, сочетается с иррациональным. Результат – констатируемая недостаточность и неясность теоретического обоснования участия псевдоперсон в правоотношениях, что находит свое отражение в юридико-техническом воплощении правовых идей в правовые нормы (например, понятие юридического лица; ч. 1 ст. 48 Гражданского кодекса РФ).

Констатируя кризис права и обращая внимание на необходимость более глубокого философско-правового осмысления его проблем, определяющего качество юридической практики, В.Д. Зорькин полагает, что новые подходы требуют «расшатывания догматов», преодоления теоретических стереотипов [6]. Выразим мнение о том, что один из стереотипов – известная правовая конструкция юридического лица.

Гипотеза: сложившиеся подходы к юридизации частно-правовых и публично-правовых отношений с участием юридических лиц – типичное направление развития права. Задача – поиск новой юридической конструкции форм объединения людей и их труда, имущества и результатов приложения к ним трудовых усилий человека.

Список литературы

1. Борисов А. М. Псевдоперсоны в римском праве (диалог с И. Б. Новицким) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2016. №15. С. 16–46.
2. База данных показателей муниципальных образований. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 12.05.2017).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. №51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №32. Ст. 3301.
4. Ельяшевич В. Б. Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве. СПб., 1910.
5. Устав Курской области : закон Курской области от 02.10.2001 г. №67-ЗКО (в ред. от 31.03.2016 г.). URL: <http://rkursk.ru/other/ust.html> (дата обращения: 28.05.2016).
6. Зорькин В. Д. Право метамодерна: постановка проблемы. Выступление на IX Петербургском международном юридическом форуме. URL: <http://rapsinews.ru/publications/20190516/299146131.html> (дата обращения: 23.05.2019).
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. №31. Ст. 4398.
8. Кутафин О. Е. Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица // Избр. труды : в 7 т. М., 2014. Т. 6.
9. Малый энциклопедический словарь : в 4 т. Репринтное воспроизведение издания Брокгауза – Ефрона. М., 1994. Т. 4.
10. Покровский И. А. История римского права. М., 2008.
11. Разумовская Т. В. Правовая личность в условиях современного государства: теоретико-правовой аспект : дис. ... канд. юр. наук. Ростов н/Д, 2004.
12. Устав города Курска (принят решением Курского городского Собрания от 12.04.2007 г. №332-3-РС) (ред. от 22.11.2016 г.) // Городские известия. 2007. №67–68.
13. Чиркин В. Е. Публично-правовое образование. М., 2011.
14. Чиркин В. Е. Юридическое лицо публичного права. М., 2009.

Об авторе

Андрей Марксович Борисов – канд. ист. наук, доц., Курский государственный университет, Россия.

E-mail: andrei_borisov@mail.ru

The author

Dr Andrey M. Borisov, Associate Professor, Kursk State University, Russia.

E-mail: andrei_borisov@mail.ru